

Если бы она относилась к нему лучше в свое время и не отдала в приемную семью, этот телевизор сейчас стоял бы у них в комнате! И в будущем, конечно, достался бы ее сыну. Разве не долг сына — почитать родителей? А родители вольны дарить свои вещи кому хотят. И не пришлось бы сейчас приходить сюда и заглядывать в глаза этим двум старикам!

Оставим ее терзаться от досады, даже Ли Цин чувствовал себя крайне неловко.

С тех пор как он купил этот телевизор, сколько старых друзей прожужжали ему уши о том, что он совершил ошибку. Его доводили до того, что он был готов взорваться от стыда и злости. Кто же знал, что его старший сын окажется таким способным? Раньше тот был робким, молчаливым, угрюмым и совсем не умел общаться — разве мог он сравниться с почтительным и бойким младшим сыном?

Если бы он проявил свои таланты раньше, разве стал бы Ли Цин отдавать его другим?

Только вот признаться в своем сожалении он не мог — где тогда искать остатки бывшего достоинства? Да и не верил он, что старший сын захочет вернуться. Это лишь стало бы поводом для лишних насмешек в деревне. Открыто он об этом говорить не смел, оставалось лишь твердить, что они больше не имеют друг к другу отношения и это теперь чужие дела.

По ночам он ворочался без сна, и только его жена знала, что у него на душе. Чэнь Фан даже предлагала ему подтянуть Ли Фэна, ведь тот все-таки его брат. Если уж Ли Ши смог заработать такие деньги, то Ли Фэн, который куда умнее и умеет лучше подвесить язык, наверняка заработает еще больше.

Ли Цин промолчал, и Чэнь Фан поняла: это молчаливое согласие.

Только вот, когда она наконец дождалась возвращения Ли Ши и только начала разговор, ее тут же отрезали. Он сказал, что больше никого не нанимает, а если бы и нанимал, то давно позвал бы Ван Цзе и остальных. Чэнь Фан от ярости едва не лишилась чувств.

Вернувшись домой, она все пересказала в красках. Ли Цин тоже пришел в бешенство: что это значит? Родной брат для него менее важен, чем брат его жены?

Но поделать они ничего не могли, оставалось лишь с завистью смотреть на тот самый телевизор. Чэнь Фан даже не подозревала, что этот телевизор — только начало, и впереди их ждет еще немало поводов для злости.

Глава 29

В те времена частное предпринимательство все еще презирали, называя спекуляцией. Однако, вопреки всеобщему презрению, доходы индивидуальных росли. У многих вернувшихся в город «образованной молодежи» и горожан без постоянной работы, которые выживали за счет

уличной торговли, кошельки стремительно толстели, что вызывало немало завистливых пересудов.

Чжоу Хэн считал, что нет нужды раскрывать правду о своем статусе частника, и продолжал притворяться, что работает на других. Это помогало избежать лишнего общественного давления. Он понимал, что в будущем государство не будет запрещать подобную деятельность, но Ван Юэ и остальные, не зная этого, могли бы сильно испугаться.

Ван Юэ не раз спрашивала, нельзя ли позвать ее брата на помощь, но время еще не пришло. Когда оно настанет, у него найдется немало работы, которую он сможет предложить.

После встречи Нового года Сяо Цюаню по китайскому летоисчислению исполнилось четыре года, а близнецам — два.

Ли Цзяо в это время было пятнадцать. Когда Чжоу Хэн вернулся, Ван Юэ рассказала ему:

— Ее мать уже нашла ей жениха. Слухи поползли по всей деревне, почти все уже знают. Дело практически решено, жених — продавец в городском магазине снабжения. Она так его расхваливала, но, по-моему, ничего особенного.

В те времена люди с городской пропиской, работающие на государство, всегда пользовались особым почетом.

— Ты его видела?

— Один раз, когда они всей семьей приходили к нам обедать. Он ниже тебя, где-то метр шестьдесят, лицом тоже не вышел. В остальном явных недостатков нет, к тому же говорят, что его родители — оба госслужащие, у него есть младшие брат и сестра, брат тоже работает на официальной должности. Семья зажиточная.

— Значит, они теперь будут реже приходить к нам?

— Что ты... каждый вечер как по расписанию. Не уходят, пока телевизор не выключат. Язвительных слов стало меньше, зато хвалы жениху — хоть отбавляй.

Ван Юэ сама была в недоумении. Чжоу Хэн не мог понять их логику. Что касается Ли Цзяо, он просто принял информацию к сведению. Будь это его дочь, он бы ни за что не позволил ей выйти замуж так рано. Но это была сводная сестра той, что когда-то так обращалась с его нынешним телом. Если бы он начал давать советы, никто не счел бы это добрым намерением — скорее решили бы, что он завидует удачной партии Ли Цзяо и не хочет, чтобы у людей все было хорошо.

— Сяо Кан и Сяо Мао хорошо себя вели в это время?

— Дети как дети. Почему ты не спрашиваешь про Сяо Цюаня?

— Я только что видел его, он с бабушкой ушел в огород. Он подрос.

— И прибавил больше фунта с последнего взвешивания.

Услышав это, Ван Юэ осталась довольна. Отец не должен проявлять предвзятость — ни к старшим, ни к младшим.

Вскоре помолвка Ли Цзяо была официально закреплена. Жених, Гао Чаншэн, действительно работал в магазине снабжения, ему было двадцать лет. После того как все уладили, невестка Ли Фэна больше не приходила: срок у нее был уже большой, ходить было тяжело. Да и вся их семья перестала приходить смотреть телевизор в полном составе — нельзя же оставить беременную одну дома.

Свадьбу сыграли быстро, не прошло и двух месяцев, как Ли Цзяо в новой одежде вышла замуж. Говорят, наряд купил жених, а в придачу дал сто восемьдесят юаней выкупа, часы и велосипед. Семья невесты подготовила четыре одеяла и сто юаней наличными.

Хотя Чэнь Фан любила дочь меньше, чем сына, та все же была ее родной кровью. Часы и велосипед Ли Цзяо забрала с собой, из выкупа мать взяла восемьдесят юаней, а на остальные деньги купила одеяла и одежду, еще двадцать юаней дала дочери на руки. Если посчитать, то, выдав дочь замуж, она не заработала на выкупе, а, наоборот, прилично потратилась.

Когда Ли Цзяо окончательно переехала, Чэнь Фан, глядя телевизор, постоянно твердила:

— У моей дочери тоже есть телевизор. Она купила его в прошлом году, и он даже больше этого, четырнадцать дюймов...

Тетушка Лю раздраженно отозвалась:

— Если не замолчишь, уходи. Не мешай нам смотреть, я из-за тебя ничего не слышу.

— И правда, — поддакнули другие. — Раньше слушали, но сейчас-то нам интересно, что там говорят.

Столкнувшись с общим недовольством, Чэнь Фан пришлось умолкнуть.

Вернувшись, Чжоу Хэн узнал, что Ли Ши получил аттестат об окончании средней школы. Само тело, в котором он жил, окончило лишь два класса начальной школы. Но после рождения детей он накупил учебников и, возвращаясь домой, постоянно их листал. Он не только учился сам, но и заставлял Ван Лэ заниматься, объясняя это тем, что мир меняется слишком быстро, нужно повышать уровень образования, чтобы не отстать, да и в городе с дипломом к человеку относятся иначе.

Людей с образованием все еще уважали. Ван Юэ в свое время успела проучиться лишь первый семестр в средней школе, когда в семье случилась беда. Но база у нее была, и вспомнить пройденное оказалось не так сложно. Полистав учебники, она с удивлением обнаружила, что

ее муж — настоящий скрытый талант. Самоучкой он достиг такого уровня, что мог сам объяснять ей многие вещи. Не зря он получил аттестат.

Чжоу Хэн поделился с женой своими планами: во второй половине года он собирается переехать в город, чтобы Сяо Цюань мог пойти в детский сад. В деревне о детских садах даже не слышали: дети подрастали, и если были лишние деньги, их отправляли в начальную школу, а если нет — те росли как трава.

Когда Чжоу Хэн рассказал, что в городе дети рабочих ходят в садик, с ранних лет учатся, быстрее усваивают программу и имеют все шансы поступить в университет, Ван Юэ не могла не загореться этой идеей. Как мать, она желала своим детям лучшего будущего. Другие дети в городе получают такое образование, и если у мужа есть возможность дать это их детям, она только за. Хороший университет, государственное распределение, «железная миска» — о таком можно было только мечтать.

Ван Юэ загорелась, но засомневалась:

— Чтобы учиться в городе, что нам нужно делать? Есть ли места? У нас нет там жилья, как ребенок пойдет в сад?

К тому же в городе даже пучок зеленого лука нужно покупать. Хватит ли им денег? А жить вечно в арендованном жилье — не выход.

— Я все продумал. Я уже попросил людей узнать, не продает ли кто дом. Найдем подходящий — купим. Отдадим детей в сад, а на выходные, когда у них не будет занятий, сможем возвращаться сюда.

— А родители поедут с нами?

— Конечно. Сяо Цюань пойдет в школу, а с этими двумя сорванцами тебе одной будет тяжело. В городе они смогут помогать, им не придется работать в поле. Они пахали всю жизнь, пора им отдохнуть.

Это была правда. Пока дети маленькие, справляться еще можно, но когда они начнут ползать и бегать, одной ей будет не под силу.

Чжоу Хэн попросил Ван Юэ не спешить, ведь он еще ничего не нашел. Если никто не захочет продавать землю или дом, придется снимать, но аренда — дело ненадежное: хозяин может в любой момент потребовать освободить помещение. Он просто хотел, чтобы она была готова к переезду. Он хотел дать им лучшую жизнь, а в деревне не нужно было так надрываться — у него были средства их прокормить.

Переезд в город был признаком успеха, и Ван Юэ не удержалась:

— У тебя с работой все в порядке?

Если он ее потеряет, все пойдет прахом. Он кивнул:

— Не волнуйся. Мой хозяин — хороший человек, у меня есть процент с продаж, зарабатываю неплохо. Иначе я бы не заикался о покупке дома.

— Ну и хорошо!

Он отсутствовал некоторое время, и теперь ему казалось, что дети подросли. Близнецы, как всегда, намертво вцепились в его руки, не желая отпускать. Они были однояйцевыми, как две капли воды похожими друг на друга, и если бы не разница в размерах, их было бы не различить.

— Раз уж ты вернулся, завтра посидишь с детьми, а я схожу к младшей сестре. Она беременна, надо провести. Да и у брата сын родился, скоро месяц, тоже надо заглянуть.

— Хорошо. Сяо Цюаня возьмешь?

— Нет, я быстро.

Младшие еще были на грудном вскармливании. Ван Сяомэй вышла замуж полгода назад и уже ждала ребенка — скорость была неплохая.

— Ладно, бери подарки. Пусть дедушка с бабушкой присмотрят за малышами, а я пойду работать. Не дело, чтобы старики пахали, пока я дома с детьми сижу.

Хотя, если бы ему дали выбор, он бы предпочел пойти работать. Ван Юэ поняла его и шутливо хлопнула по плечу.

Глава 30

Поскольку нужно было кормить детей, Ван Юэ обернулась быстро: ушла утром, а к десяти уже вернулась. Она сияла: у сестры все хорошо, только запах рыбы не переносит. Семья мужа ее ценит, отношение к ней улучшилось. На празднование месяца ребенка брата она пригласила Ли Ши, и Ван Юэ согласилась.

Чжоу Хэн был свободен и не возражал против поездки. Супруги вместе с Сяо Цюанем отправились на праздник к Ван Цзе. Ван Юэ, как тетя, приготовила две пары расшитых детских ботиночек и кусок красной ткани на одежду.

Вскоре должен был исполниться месяц ребенку Ли Фэна. Этот малыш был на десять дней младше сына Ван Цзе. Чжоу Хэн не хотел тратить время на этот визит, сказав, что пусть дядя Ли-второй решает, что дарить, он вмешиваться не будет.

Тем самым он пропустил целое представление. На самом деле, Ли Цин рассчитывал, что сын придет. Он впервые был готов отбросить гордость и сказать сыну пару ласковых, но узнал, что тот даже не в городе, а уехал по делам. Ли Цин всю ночь не мог уснуть.

Сын не пришел на праздник собственного племянника — бессердечный, неблагодарный!

Ли Цзяо пришла со своим мужем. Узнав, что Ли Ши не явился, она лишь скривила губы. Теперь-то она городская, какая ей разница, что он там зарабатывает? Все равно у ее мужа — железная миска, а у брата прописка деревенская, толку-то.

Ло Сяотао, родившая сына, тоже вздохнула с облегчением. То, что старший деверь не пришел, было вполне логично. Послушав сплетни о том, что произошло в прошлом, она решила, что любой человек с достоинством не стал бы иметь дел с этой семьей, особенно если он сам добился успеха.

Она понимала, что думают остальные члены семьи: они бросили его, и им было спокойнее, когда он жил плохо. А теперь он живет хорошо, они не могут с ним сравниться, и от этого на душе скребут кошки. Мало того, что им самим обидно, так еще и окружающие постоянно напоминают о прошлом. Она однажды попыталась что-то сказать, но увидела такие лица, что больше эту тему не поднимала.

Если удастся извлечь выгоду — хорошо, а нет — так нужно просто честно работать. Теперь, когда землю разделили, если трудиться не покладая рук, жизнь наладится. В одном им нельзя было отказать: как бы они ни вели себя, трудолюбия им было не занимать.

Труд принес свои плоды. После весенней страды Чжоу Хэн наконец узнал, что в приглянувшемся ему районе продается дом. В то время землю и дом продавали вместе, разделять их стали лишь позже, когда пришло понимание частной собственности.

Дом находился недалеко от вокзала, примерно в получасе ходьбы. Это был типичный сельский двор: нижняя часть стен из камня, верхняя — из сырцового кирпича, крыша черепичная. Всего шесть комнат и около сотки огорода, огороженного забором.

Чжоу Хэн пришел туда с посредником. Хозяева действительно хотели продать дом: их единственный сын отслужил в армии, остался в городе, женился, и они решили переехать к нему. Дому было уже тридцать лет, требовался ремонт, поэтому цену заломили небольшую. Площадь дома была сто пятьдесят квадратных метров, плюс огород — итого около трехсот.

Хозяева не стали жадничать, так как все равно не собирались возвращаться. Они продавали дом вместе с мебелью, овощами на грядках и даже двумя несучками в придачу за восемьсот юаней.

Если строить такой дом с нуля, только на материалы ушло бы немало, а тут еще и колодец с вкусной водой, и мебель. Чжоу Хэн начал торговаться:

— Дому тридцать лет, черепица течет, окна не закрываются, все нужно менять.

Это была правда. Хозяева, понимая, что без присмотра дом быстро развалится, после долгих споров согласились на семьсот пятьдесят. Чжоу Хэн сделал вид, что сомневается, но в итоге согласился. Договорились завтра идти оформлять документы.

Осмотревшись, Чжоу Хэн заметил в углу старый стол. Ножка была подперта кирпичами, но дерево — ценное, сандаловое. Хозяин, заметив его взгляд, засмеялся:

— Это я со свалки подобрал, ножка сломана, но если подложить кирпич — пользоваться можно.

В те времена люди часто подбирали выброшенную мебель, не разбираясь в породах дерева — лишь бы служило.

— Ничего, сойдет. Вы ведь оставите здесь почти всю мебель?

— Да, заберем только сундуки. Остальное — если нужно, оставляйте, если нет — на дрова пустите.

Чжоу Хэн решил: если купит дом, то снесет две самые старые комнаты, построит на их месте современную кирпичную пристройку, а остальные четыре оставит под кухню и кладовку.

Когда он объявил о покупке, вся семья пришла в движение — никто не хотел оставаться в стороне. На следующий день, взяв документы и деньги, они отправились в город.

Все прошло быстро: они осмотрели дом, сходили к нотариусу и оформили сделку. Хозяева уже собрали вещи и к вечеру уезжали на поезде.

Когда Ван Юэ получила на руки заветную книжицу, ее сердце, до этого момента словно висевшее в воздухе, наконец успокоилось. Они купили дом в городе! По-настоящему! Это был не сон!

Глава 31

Дядя Ли-второй то и дело открывал книжицу, чтобы посмотреть на имя. Там было написано имя Ли Ши, но Чжоу Хэн сказал, чтобы они хранили ее у себя.

Тетушка Лю купила новые замки, чтобы, как только хозяева уедут, сразу сменить их, чтобы никто не зашел.

Чжоу Хэн помог донести вещи до вокзала, проводил их и вернулся. Как только тетушка Лю отошла, они принялись за осмотр. Хозяева забрали только самое ценное: теплые вещи, одеяла. Остальное — старую мебель, горшки, плошки — оставили. Тетушка Лю и Ван Юэ сразу взялись за дело: что-то нужно было почистить, что-то выбросить. Хотя, если честно, выбрасывать почти ничего не пришлось.